

Рубрика журнала: «Место искусственного интеллекта в теории права»

УДК: 340.12

Правовая идеология применения инновационных технологий в судебной деятельности в условиях цифровой реальности (к постановке проблемы)*

Челбаев Дмитрий Владимирович

младший научный сотрудник Научно-исследовательского

института государственно-правовых исследований

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет

имени Г.Р. Державина»,

ассистент, аспирант кафедры «Теория и история государства и права»

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,

Россия, г. Тамбов

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-6356-8607>

E-mail: chelbaev.d@yandex.ru

+7 (915) 871-19-97

Аннотация. В статье рассматривается правоидеологический контур внедрения инновационных технологий в судебную деятельность в условиях цифровой реальности. Целью является выявление тех идейно-ценностных сдвигов, которые возникают при переходе от инструментального понимания цифровизации к восприятию цифровых решений как фактора, способного перестраивать деятельностные стандарты в сфере правосудия. Методологическую основу составляют информационный, теоретико-правовой и доктринальный анализ правовой идеологии и правовой

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-03175, <https://rscf.ru/project/25-28-03175/>.

технологии, формально-юридический метод, аксиологический подход и правовое моделирование. Установлено, что цифровые механизмы функционируют как правовая технология и способны закреплять новые стандарты «качества» правосудия через архитектуру технологизированных судебных процедур, влияя на состязательность, устность и мотивированность судебных актов. Показаны риски технократического смещения профессиональной ответственности и формирования параллельной процессуальной нормативности. Обоснована необходимость правоидеологического режима применения инновационных цифровых технологий, предполагающего нормативно закреплённые пределы, процедурную проверяемость и профессионально-этические гарантии судейского служения. Сделан вывод о приоритете справедливости и доверия над показателями «машинной» эффективности.

Ключевые слова: правовая идеология, судебная деятельность, цифровая реальность, цифровизация правосудия, инновационные технологии, правовая технология, искусственный интеллект.

Ссылка для цитирования: Челбаев Д.В. Правовая идеология применения инновационных технологий в судебной деятельности в условиях цифровой реальности (к постановке проблемы) // Трактат правовых инициатив. 2026. № ?. С. ??-??.

Legal ideology of the application of innovative technologies in judicial activity in the context of digital reality (to the formulation of the problem)**

Dmitry Vladimirovich Chelbaev

Junior Researcher, Research Institute for State and Legal Studies

** The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 25-28-03175, <https://rscf.ru/project/25-28-03175/>.

*of the FSBEI HE “Derzhavin Tambov State University”,
Assistant, Postgraduate Student, of the Theory and History of State and Law
Department of the FSBEI HE “Tambov State Technical University”,
Russia, Tambov
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-6356-8607>
E-mail: chelbaev.d@yandex.ru
+7 (915) 871-19-97*

Abstract. This article examines the legal and ideological framework for the implementation of innovative technologies in judicial practice in the digital world. The aim is to identify the ideological and value shifts that arise during the transition from an instrumental understanding of digitalization to the perception of digital solutions as a factor capable of restructuring activity standards in the justice sector. The methodological basis consists of an informational, theoretical, legal, and doctrinal analysis of legal ideology and legal technology, a formal legal method, an axiological approach, and legal modeling. It is established that digital mechanisms function as a legal technology and are capable of enshrining new standards of justice “quality” through the architecture of technologically enhanced judicial procedures, influencing the adversarial nature, oral nature, and reasoning of judicial decisions. The risks of technocratic displacement of professional responsibility and the formation of parallel procedural normativity are demonstrated. The need for a legal and ideological regime for the application of innovative digital technologies, presupposing normatively established limits, procedural verifiability, and professional and ethical guarantees for judicial service, is substantiated. A conclusion is made about the priority of fairness and trust over indicators of “machine” efficiency.

Keywords: legal ideology, judicial activity, digital reality, digitalization of justice, innovative technologies, legal technology, artificial intelligence.

For citation: Chelbaev D.V. Legal ideology of the application of innovative technologies in judicial activity in the context of digital reality (to the formulation of the problem) // Treatise on legal initiatives. 2026. No. ?. P. ??-??.

Введение

Цифровая реальность постепенно становится не внешним фоном, а устойчивым режимом существования правосудия, в котором меняются темп, формы коммуникации и сама логика юридически значимых действий. В этих условиях инновационные технологии (электронный документооборот, дистанционные формы участия, алгоритмические и аналитические решения) в суде перестают быть нейтральным набором инструментов и начинают выступать фактором, способным перестраивать идейно-ценностные акценты судебной деятельности, а значит и правовую идеологию правосудия. Думается, именно здесь возникает ключевая проблема: как обеспечить технологическое развитие суда так, чтобы оно усиливало справедливость и доверие, а не подменяло правовую природу судебного решения технической рациональностью «машинной» эффективности. Объектом работы является судебная деятельность в условиях цифровой реальности, а предметом рассмотрения выступает правоидеологический контур внедрения инновационных технологий в суд.

Для комплексного ответа представляется необходимым уточнить, что именно понимается под правовой идеологией, поскольку дальнейшая постановка проблемы опирается на ее содержательную определенность. Как отмечает В. А. Туманов, данная категория позволяет связать право не только с нормами и институтами, но и с ценностно-идейным каркасом, встроенным в действующее право: «Под ним (понятием правовая идеология) можно иметь в виду определенную идеологию, выраженную в данном типе права и в каждой системе действующего права. Любое право является выразителем определенных идей и, более того, определенного социального

мировоззрения и в этом качестве идеологически воздействует как на общественное сознание в целом, так и на сознание отдельных граждан» [1, с. 63]. Таким образом, вопрос об инновационных технологиях в судебной деятельности не сводится к модернизации процедур и каналов коммуникации, а акцентирует то, как качественно меняется правосудная практика. Фактически речь идет о том, какие идеи о человеке, справедливости, допустимом риске, стандарте доказанности и роли судьи закрепляются в архитектуре цифровых решений и затем начинают действовать как «самоочевидные» ожидания от правосудия. Иными словами, технологизация суда должна рассматриваться как фактор, потенциально изменяющий правовую идеологию воздействия права, опосредованного цифровыми механизмами, а значит требующий доктринально выверенных пределов и критериев допустимости.

При этом постановка проблемы невозможна без учета онтологических характеристик цифровой реальности. В. И. Пржиленский, исследующий ее свойства, фиксирует базовое обстоятельство, важное для юридического анализа: «Она рукотворна в том смысле, что обязана своим возникновением IT-технологиям» [2, с. 78]. Однако рукотворность цифрового не означает его подчиненности юридической логике. Напротив, право нередко оказывается в положении «догоняющего» регулятора, вынужденного концептуализировать уже сложившиеся практики. В этом же ключе В. В. Лазарев, оценивая влияние цифровизации на юридическое знание, подчеркивает, что «процессы сетевой цифровизации и масштабного, всестороннего внедрения искусственного интеллекта (ИИ) нуждаются в особом осмыслении юристами» [3, с. 7]. Следовательно, требуется не столько описание технологических новшеств, сколько выявление тех идей и ценностей, которые они приносят в суд и которые затем начинают восприниматься как самоочевидные стандарты «правильного» правосудия. Именно это предопределяет постановочный характер настоящего

исследования, ориентированного на фиксацию правоидеологических эффектов технологизации судебной деятельности и на последующее обсуждение критериев ее допустимости.

Методы

Методология статьи опирается на информационный, теоретико-правовой и доктринальный анализ правовой идеологии и правовой технологии в сочетании с системным рассмотрением цифровизации судебной деятельности. Формально-юридический метод использован для разграничения и уточнения категорий правовой идеологии, правовой технологии и инновационных технологий в судебной деятельности, а также для выявления их взаимосвязи с процессуальными принципами и требованиями мотивированности судебного решения. Аксиологический анализ применен для соотнесения технологических практик с конституционно значимыми ценностями справедливости, равенства и гарантий судебной защиты, а также с профессионально-этическими стандартами судейского служения. В качестве вспомогательного приема использовано правовое моделирование, позволяющее обосновать правоидеологический режим допустимости инновационных технологий в суде как совокупность критериев юридических действий и пределов их применения.

Результаты

В ходе анализа установлено, что для постановки правоидеологической проблемы принципиально важно рассматривать инновации в суде не как набор разрозненных сервисов, а как разновидность комплексной правовой технологии, то есть целенаправленного юридически значимого воздействия на общественные отношения. Как отмечает Е. А. Березина, данное понимание позволяет методологически закрепить рамку исследования: «Правовая технология – это научное направление, изучающее процессы целенаправленного воздействия на общественные

отношения» [4, с. 25]. Следовательно, если инновации в суде понимать как разновидность правовой технологии, то вопрос неизбежно смещается к допустимым целям такого воздействия и к пределам процедурной автоматизации. При этом полученный вывод согласуется с наблюдением А. Н. Приженниковой о том, что на текущем этапе цифровизации единообразие доктринальных подходов к самому явлению электронного правосудия пока не сложилось, поэтому оно описывается через разные акценты, от совершения процессуальных действий в электронной форме до понимания его как совокупности информационных систем или электронного формата судебного процесса [5, с. 217]. Иными словами, технологические решения в суде не могут рассматриваться как взаимозаменяемые опции, поскольку они формируют новый порядок процессуальных действий и новую внутреннюю логику движения дела.

Далее установлено, что аргументация в пользу активного внедрения цифровых решений преимущественно связывает технологизацию с целями доступности правосудия и оперативности защиты. Так, А. А. Фомин, анализируя цифровизацию судопроизводства, фиксирует, что «информационные технологии усиливают гарантии доступности правосудия» [6, с. 268]. В практикоориентированной плоскости сходный импульс задает Р. Р. Шайдуллин, констатируя, что «назрела необходимость скорейшего внедрения информационно-телекоммуникационных технологий и в судопроизводство Российской Федерации» [7, с. 222]. Однако выявлено, что такая постановка целей требует юридического уточнения содержания категории «качество правосудия» в цифровой реальности, поскольку логика судебной защиты не допускает подмены смысла процедур их технической рациональностью эффективности. Следовательно, фиксируется правоидеологически значимое ограничение, задающее критерий допустимости: технология оправдана лишь постольку,

поскольку служит правосудию, а не подменяет его внутренние основания показателями скорости, удобства и управляемости.

Существенным результатом анализа является также вывод о том, что технологизация затрагивает не только скорость и удобство, но и традиционные начала процесса, прежде всего устность и состязательность как способы выявления и проверки позиции сторон. Как отмечает А. В. Белякова, «при проведении судебного разбирательства в режиме онлайн существуют риски не только искажения информации по делу заинтересованными лицами, но и предоставления ее в неполном или недостоверном формате» [8, с. 129]. Думается, критерий допустимости инноваций не может сводиться к формальному расширению дистанционных сервисов. Так как при недостаточной процессуальной «подстраховке» возникает риск новой процессуальной асимметрии и ослабления гарантий, обеспечивающих равенство сторон и реальную состязательность.

В ходе исследования выявлен и предельный ценностный ориентир для оценки цифровых новаций, связанный с этико-профессиональным стандартом судейского служения. Представляется, именно эта плоскость позволяет удержать обсуждение в границах смыслового ядра правосудия. К. П. Победоносцев, описывая должное качество судейского труда, подчеркивал, что «Судьи должны быть богаты знанием, а не только остроумием, должны быть строги в своем сознании, а не только приятны и любезны, должны быть осведомлены в убеждении, а не легкомысленны. Свыше всего свойство их и добродетель их звания есть правдивость» [9, с. 197]. В условиях цифровой реальности эта формула приобретает прикладное значение. Технологии способны расширять доступ к информации и повышать полноту ориентирования в массиве данных, однако они не производят правдивость как добродетель звания и не заменяют строгого сознания, то есть внутренней дисциплины правовой оценки. Следовательно, инновационные решения в суде допустимы лишь в

том случае, если они работают на «богатство знанием», усиливая качество проверки фактов и аргументации, но не переносят центр ответственности за истинностную и ценностную сторону решения на вычислительную процедуру (машину).

Наконец, в ходе анализа установлен риск формирования параллельной нормативности через архитектуру деятельностных процедур и интерфейсов, когда технологические практики начинают выполнять роль фактического регулятора процессуального поведения. Как отмечает Е. В. Лунгу, «Стихийно сложившиеся инструменты саморегулирования не опираются на базовые конституционные принципы» [10, с. 94]. Таким образом, применительно к судопроизводству правоидеологическая задача состоит не в том, чтобы замедлить цифровизацию, а в том, чтобы не допустить превращения технологических практик в «саморегулируемое право» суда.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют конкретизировать проблемное поле именно там, где технология соприкасается с судебной властью как с полномочием оценки и контроля. Как отмечает Е. В. Ширеева: «Одним из таких вызовов в настоящее время является применение информационных технологий при осуществлении судебного контроля» [11, с. 31]. В указанной плоскости представляется принципиально важным и тезис Е. М. Донцова и Т. К. Донцовой, сформулированный с опорой на анализ рисков алгоритмических решений и выступающий своеобразным идеологико-правовым «стоп-сигналом» против технократического оптимизма: «Применение искусственного интеллекта в российском правосудии должно строго регулироваться законом» [12, с. 168]. Дословность этой формулы существенна тем, что она переводит обсуждение из сферы управленческой целесообразности в сферу правовой допустимости. Отсюда следует, что вопрос о технологиях в суде не может решаться только критериями

эффективности и удобства. Напротив, он требует нормативного закрепления пределов применения, процедур ответственности и механизмов проверяемости в процессуально значимых точках, включая требования объяснимости и контроля корректности работы систем.

При этом риск технологической подмены усиливается тем, что цифровизация затрагивает профессиональную субъектность, а не только документооборот. А. П. Иванова указывает на тенденцию, меняющую представление о роли человека в праве: «С каждым этапом развития технологий юристы получают новые инструменты, которые не просто помогают им в профессиональной деятельности, но и порой могут полностью заменить их» [13, с. 55]. Другими словами, применительно к суду речь идет не о технической поддержке, а о потенциальной трансформации распределения интеллектуального труда, ответственности и легитимации судебного решения. Технология, предлагающая «готовую» рекомендацию, объективно склоняет к стандартизации аргументации, а затем и к стандартизации результата. При этом внешняя нейтральность алгоритма создает иллюзию, что стандартизация не является ценностным выбором, хотя фактически она изменяет баланс между индивидуализацией и типизацией, между живым усмотрением и автоматическим соответствием модели.

В. В. Трофимов, исследуя государственно-правовую политику в пространстве функционирования цифровых систем, формулирует тревожный образ, который точно схватывает точку идеологического риска: «искусственный интеллект находится по сути уже “наготове”, чтобы где-то оправданно заменить, а где-то и беспрекословно сместить человека» [14, с. 68]. Так, для судебной деятельности опасность состоит не только в прямой автоматизации вынесения решений, но и в постепенном смещении центра тяжести с юридического убеждения судьи на технологически «подсказанное» знание. В такой ситуации, думается, правоидеологический

контур должен задавать пределы допустимого не только на уровне запрета «автоматического суда», но и на уровне более тонких практик, включая рекомендательные модели, предиктивную аналитику, рейтинги рисков, а также внутренние метрики эффективности, способные незаметно подталкивать к типовым решениям.

Отсюда, представляется, вытекает требование концептуальности. Иначе цифровизация приобретает характер фрагментарного набора разрозненных «улучшений», которые в сумме меняют природу процесса. Л. Н. Масленникова, анализируя развитие процессуальных институтов в условиях цифровизации, обращает внимание на «отсутствие логически целостного, концептуального подхода к развитию и совершенствованию» [15, с. 55]. Следовательно, внедрение цифровых решений без единой идеологико-правовой рамки неизбежно приводит к ценностной дрейфовке, когда доминирует то, что проще измерить и стандартизировать, тогда как смысл правосудия связан с тем, что не сводится к простой метрике.

Ключ к доктринальному решению проблемы, очевидно, дает понимание природы судебного решения как источника обязательности и как результата творческой интерпретации. В. В. Лазарев, исследуя инновационную деятельность суда, приходит к выводу, что: «Признание инновационного характера судебной деятельности на теоретическом уровне требует полнокровного юридического признания судебного прецедента в качестве источника российского права» [16, с. 92]. В указанной логике творческий компонент судебного решения выводит на категорию судейского права, поскольку именно через судебные акты в правовой системе объективируются общеобязательные ориентиры правоприменения и формируются нормативные ожидания. Поэтому судейское право «проявляется не иначе как система общеобязательных принципов и норм, содержащихся в судебных решениях» [17, с. 5]. Очевидно, если судебное решение является носителем общеобязательных принципов и норм, то

неизбежно возникает и требование персональной ответственности за содержание этой обязательности, а также требование мотивированности как формы легитимации. Представляется, в этих условиях инновационные технологии в суде должны конструироваться как средства, повышающие качество мотивировки, полноту исследования обстоятельств и корректность применения права, но не как инструменты, подменяющие внутреннюю работу правовой квалификации и оценку доказательств.

При этом вопрос об идеологии в суде не сводится к логике запрета, поскольку примитивно понимаемая деидеологизация способна лишить право механизмов ценностной самозащиты. Как отмечает В. В. Лазарев, «деидеологизация должна затрагивать только ту часть идеологии, которая перестала удовлетворять месту и времени» [18, с. 16], а значит следует видеть и позитивные цели идеологии. Как итог, установка для цифрового правосудия может быть сформулирована так: цифровизация, поскольку она несет цели доступности и прозрачности, — требует правоидеологического отбора, при котором исключаются технологические практики, размывающие мотивированность, подотчетность и справедливость, либо формирующие скрытые режимы «саморегулируемого» процессуального поведения.

Таким образом, решение заявленной проблемы видится в построении правоидеологического режима (специальной правовой идеологии) применения инновационных технологий в судебной деятельности, который (которая) одновременно признает неизбежность цифровой реальности и удерживает ценностное ядро правосудия. Такой режим предполагает рассмотрение технологической инновации как разновидности правовой технологии и допускает ее лишь при одновременном соблюдении нормативного контура пределов допустимого, правоприменительного и инфраструктурного контура проверяемости и воспроизводимости цифровых процедур, а также профессионально-культурного контура,

поддерживающего цифровую правовую культуру судей и участников процесса. Представляется, в этой конструкции инновационные технологии перестают быть самостоятельной ценностью и занимают свое надлежащее место, то есть роль средства, подчиненного идее справедливого правосудия.

Заключение

Подводя некоторый итог, следует признать, что правоидеологическая проблема внедрения инновационных технологий в суде заключается не в наличии цифровых инструментов как таковых, а в риске их превращения в носителя технократических ценностей, способных вытеснить мотивированность, ответственность и индивидуализированную оценку, составляющие смысл правосудия. Следовательно, доктринальное решение видится в концептуализации инновационных технологий в праве как специальной правовой технологии и в закреплении правоидеологического режима их применения, при котором доступность и оперативность судебной защиты достигаются без подмены человеческого усмотрения судьи, без «саморегулируемой» процессуальной нормативности и при сохранении конституционного приоритета прав и свобод человека как высшей ценности.

Список литературы:

1. Туманов В. А. Избранное. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 736 с.
2. Пржиленский В. И. Вопрос об онтологическом статусе и специфических свойствах цифровой реальности // Философия науки и техники. 2025. Т. 30. № 2. С. 77–89.
3. Лазарев В. В. Юридическая наука в свете перспектив цифровизации // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 2. С. 5–19.
4. Березина Е. А. Правовая технология как научное направление в отечественной юриспруденции // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 2. С. 16–26.

5. Приженникова А. Н. Осуществление правосудия в условиях информатизации и цифровизации // Образование и право. 2020. № 9. С. 217–226.
6. Фомин А. А. Инновационные технологии в судебной деятельности // Образование и право. 2022. № 11. С. 265–269.
7. Шайдуллин Р. Р. По вопросу внедрения цифровых технологий в судопроизводство России // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2025. № 1. С. 222–231.
8. Белякова А. В. «Цифровое» правосудие в России 2.0 // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 5. С. 124–142.
9. Победоносцев К. П. Сочинения. СПб.: Наука, 1996. 510 с.
10. Лунгу Е. В. Конституционные права и свободы человека в свете цифровизации общественных отношений // Lex Russica. 2025. Т. 78. № 3 (220). С. 86–97.
11. Ширеева Е. В. Правовые основы применения и практики внедрения искусственного интеллекта при осуществлении судебного контроля // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 3. С. 30–39.
12. Донцов Е. М., Донцова Т. К. Искусственный интеллект в судебной системе: международный опыт, правовые риски и пределы допустимого применения в России // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 6. С. 167–173.
13. Иванова А. П. Цифровые технологии в юридической деятельности: гиперреализм, правовая эволюция и развитие судебной аналитики // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Серия: Государство и право. 2024. № 4. С. 55–68.
14. Трофимов В. В. Современная государственно-правовая политика Российской Федерации в пространстве функционирования

информационно-телекоммуникационных систем: о некоторых проблемах формирования и реализации // Правовая парадигма. 2021. Т. 20. № 3. С. 66–75.

15. Масленникова Л. Н. Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10 (74). С. 52–65.

16. Лазарев В. В. Инновационная деятельность суда // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15. № 1. С. 85–93.

17. Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право. М.: Проспект, 2009. 510 с.

18. Лазарев В. В. Идеологическое сопровождение современного правосудия // Мир политики и социологии. 2019. № 4. С. 16–32.

References

1. Tumanov V.A. Izbrannoe [Selected works]. Moscow: Norma, INFRA-M, 2010. 736 p. (In Russ.).

2. Przhilenskii V.I. Vopros ob ontologicheskom statuse i spetsificheskikh svoistvakh tsifrovoi real'nosti [On the ontological status and specific properties of digital reality]. *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology]. 2025. Vol. 30. No. 2. Pp. 77–89. (In Russ.).

3. Lazarev V.V. Yuridicheskaya nauka v svete perspektiv tsifrovizatsii [Legal science in the light of digitalization prospects]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law]. 2023. Vol. 27. No. 2. Pp. 5–19. (In Russ.).

4. Berezina E.A. Pravovaya tekhnologiya kak nauchnoe napravlenie v otechestvennoi yurisprudentsii [Legal technology as a research area in Russian jurisprudence]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [The Rule-of-Law State: Theory and Practice]. 2022. No. 2. Pp. 16–26. (In Russ.).

5. Prizhennikova A.N. Osushchestvlenie pravosudiya v usloviyakh informatizatsii i tsifrovizatsii [Administration of justice in the context of informatization and digitalization]. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law]. 2020. No. 9. Pp. 217–226. (In Russ.).

6. Fomin A.A. Innovatsionnye tekhnologii v sudebnoi deyatelnosti [Innovative technologies in judicial activity]. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law]. 2022. No. 11. Pp. 265–269. (In Russ.).

7. Shaidullin R.R. Po voprosu vnedreniya tsifrovyykh tekhnologii v sudoproizvodstvo Rossii [On the issue of introducing digital technologies into Russian judicial proceedings]. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Institute of Law of Bashkir State University]. 2025. No. 1. Pp. 222–231. (In Russ.).

8. Belyakova A.V. “Tsifrovoe” pravosudie v Rossii 2.0 [“Digital” justice in Russia 2.0]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo* [Moscow University Bulletin. Series 11: Law]. 2022. No. 5. Pp. 124–142. (In Russ.).

9. Pobedonostsev K.P. *Sochineniya* [Works]. St. Petersburg: Nauka, 1996. 510 p. (In Russ.).

10. Lungu E.V. Konstitutsionnye prava i svobody cheloveka v svete tsifrovizatsii obshchestvennykh otnoshenii [Constitutional human rights and freedoms in the context of digitalization of social relations]. *Lex Russica*. 2025. Vol. 78. No. 3 (220). Pp. 86–97. (In Russ.).

11. Shireeva E.V. Pravovye osnovy primeneniya i praktiki vnedreniya iskusstvennogo intellekta pri osushchestvlenii sudebnogo kontrolya [Legal foundations and practice of implementing artificial intelligence in judicial review]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Law]. 2020. No. 3. Pp. 30–39. (In Russ.).

12. Dontsov E.M., Dontsova T.K. Iskusstvennyi intellekt v sudebnoi sisteme: mezhdunarodnyi opyt, pravovye riski i predely dopustimogo primeneniya v Rossii [Artificial intelligence in the judicial system: international experience, legal risks, and limits of permissible use in Russia]. Probely v rossiiskom zakonodatel'stve [Gaps in Russian Legislation]. 2025. Vol. 18. No. 6. Pp. 167–173. (In Russ.).

13. Ivanova A.P. Tsifrovye tekhnologii v yuridicheskoi deyatelnosti: giperrealizm, pravovaya evolyutsiya i razvitie sudebnoi analitiki [Digital technologies in legal activity: hyperrealism, legal evolution, and the development of judicial analytics]. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura: referativnyi zhurnal. Seriya: Gosudarstvo i pravo [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature: Abstract Journal. Series: State and Law]. 2024. No. 4. Pp. 55–68. (In Russ.).

14. Trofimov V.V. Sovremennaya gosudarstvenno-pravovaya politika Rossiiskoi Federatsii v prostranstve funktsionirovaniya informatsionno-telekommunikatsionnykh sistem: o nekotorykh problemakh formirovaniya i realizatsii [Modern state-legal policy of the Russian Federation in the space of information and telecommunication systems: on some issues of formation and implementation]. Pravovaya paradigma [Legal Concept]. 2021. Vol. 20. No. 3. Pp. 66–75. (In Russ.).

15. Maslennikova L.N. Kontseptual'nyi podkhod k postroeniyu ugolovnogogo sudoproizvodstva, obespechivayushchego dostup k pravosudiyu v usloviyakh razvitiya tsifrovyykh tekhnologii [A conceptual approach to building criminal proceedings ensuring access to justice in the context of developing digital technologies]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) [Kutafin University Law Review]. 2020. No. 10 (74). Pp. 52–65. (In Russ.).

16. Lazarev V.V. Innovatsionnaya deyatelnost' suda [Innovative activity of the court]. Aktual'nye problemy ekonomiki i prava [Actual Problems of Economics and Law]. 2021. Vol. 15. No. 1. Pp. 85–93. (In Russ.).

17. Marchenko M.N. Sudebnoe pravotvorchestvo i sudeiskoe pravo [Judicial lawmaking and judge-made law]. Moscow: Prospekt, 2009. 510 p. (In Russ.).

18. Lazarev V.V. Ideologicheskoe soprovozhdenie sovremennogo pravosudiya [Ideological support of modern justice]. Mir politiki i sotsiologii [World of Politics and Sociology]. 2019. No. 4. Pp. 16–32. (In Russ.).

Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником; не содержит сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования; ранее не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях

«10» марта 2026 г.

Д.В. Челбаев

Текст согласован с научным руководителем

«10» марта 2026 г.

В.В. Трофимов

начальник Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований,

профессор кафедры «Теория и история государства и права» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»,

профессор кафедры «Теория и история государства и права» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,

доктор юридических наук, доцент